

*Леон
Баттиста
Альберти*

Книги о семье

Перевод М. А. Юсима

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
Москва 2008

*Книга опубликована при финансовой поддержке
Министерства иностранных дел Итальянской Республики*

Настоящий перевод на русский язык выполнен на основе критического текста «Книг о семье» (De familia libri IV) Л. Б. Альберти, подготовленного Франческо Фураном для редактируемой им публикации в издательстве Ле Белль Леттр (Société d'édition Les Belles Lettres) в Париже, во Франции на основе подготовленной им же «Новой редакции» текста, опубликованной издательством Эйнауди (Турин, Италия) в 1994 г.

Альберти Л. Б.

Книги о семье / Пер. М. А. Юсима. — М.: Языки славянской культуры, 2008. — 416 с.

ISSN 1726-135X

ISBN 5-9551-0240-X

Четыре книги Леона Баттисты Альберти «О семье» считаются шедевром итальянской литературы эпохи Возрождения и своего рода манифестом гуманистической культуры. Это один из ранних и лучших образцов ренессансного диалога XV в. На некоторое время забытые, они были впервые изданы в Италии лишь в середине XIX в. и приобрели большую известность как среди ученых, так и в качестве хрестоматийного произведения для школы, иллюстрирующего ренессансные представления о семье, ведении хозяйства, воспитании детей, о принципах социальности (о дружбе), о состязании доблести и судьбы. В России Л. Б. Альберти хорошо известен и изучается с давних пор: переведен его фундаментальный труд «Об архитектуре» и другие латинские сочинения об искусстве. Полный перевод «Книг о семье» на русский язык публикуется впервые.

В оформлении переплета использованы: воображаемый скульптурный портрет Л. Б. Альберти работы Джованни Лузини, из серии 28 мраморных статуй, водруженных в 1842–1856 гг. в наружные ниши здания галереи Уффици; иллюстрация из кн.: Paré, Ambroise. Œuvres. (Vingt cinquième livre traitant des monstres et prodiges), Paris, G. Buon, 1585, p. 1091; каменное изображение герба рода Альберти. Флоренция, Галерея Палаццо Медичи Бардини.

На фронтисписе автопортрет Л. Б. Альберти из рукописи Центральной Национальной библиотеки в Риме, Vittorio Emanuele 738.

На шмуцтитулах: Доменико Гирландайо, Старик с внуком, около 1490 г., Париж, Лувр; Антонелло да Мессина, Святой Иероним в келье (деталь), 1474–1475 гг., Лондон, Национальная галерея; Андреа Мантенья, Слуги с лошадью и собаками, 1474 г., Мантуя, замок Сан Джорджо, фрески на восточной стене Камеры дельи Спозии; Мазаччо, Динарий кесаря (деталь), 1425–1428 гг., Флоренция, Санта Мария дель Кармине, фреска в капелле Бранкаччи.

ББК 83.3

ISBN 5-9551-0240-X

© Альберти Л. Б., 2008

© Языки славянской культуры, 2008

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ПРОЛОГ

Когда я размышлял о том, сколь много, по рассказам древних историков и по воспоминаниям наших стариков, да и на наших глазах, пресеклось и угасло славных и процветающих семейств в Италии и в других странах, меня всегда удивляла и огорчала такая власть зловредной фортуны над людьми, ее переменчивость и дерзкая способность губить многолюдные и доблестные фамилии, щедро одаренные дорогими и желанными для всех смертных вещами, украшенные всяческими достоинствами, славой, хвалой, влиянием и благодатью. Фортуна погружает их в нищету, одиночество и ничтожество, множество отцов наделяет скудным потомством, несметные богатства заменяет крайней нуждой, с вершины славы бросает в пучину бед, несчастий, безвестности и презрения.

Увы! Сколько семейств пали и разорились сегодня! Не рассказать и не перечислить всех родов, которые, подобно древним и благородным Фабиям, Дециям, Друзам, Гракхам и Марцеллам, защищали в нашем городе свободу и общественное благо; и в мирное, и в военное время стояли на страже авторитета и достоинства нашей родины. Это были в высшей степени скромные, разумные, сильные семьи, которых боялись враги, а друзья любили и почитали. От всех этих семейств не осталось не то что их блеска и могущества, но и самих людей, и не только людей, которые впали в нищету и безвестность, но даже памяти, воспоминаний почти не сыскать, даже имя их забылось.

Итак, вот причина, по которой я решил расследовать, действительно ли такова власть фортуны в делах человеческих, что по своему неограниченному произволу она имеет право ввергать в напасти своей переменчивостью и непостоянством самые лучшие и великие се-

мы. И когда я, отрешившись от какой бы то ни было пристрастности и отставив в сторону все порывы души, думаю об этом, и наедине с собой, о юные Альберти, рассуждаю о том, с какой стойкостью наш род уже давно противостоит всем несчастьям, с каким благоразумием и рассудительностью наши Альберти переносили выпавшие на их долю бедствия и с каким упорством противостояли яростным нападкам злой судьбы, то вижу, что многие часто и несправедливо обвиняют фортуна, а иные, по своему неразумию подвергнувшись бедствиям, жалуются на нее и упрекают судьбу, которая якобы увлекла их своим потоком, хотя они ринулись в него по собственной глупости. Ведь многие бездарности ищут причину своих ошибок в происках посторонних.

Но если старательно поразмыслить о том, что же именно превозносит и преумножает людские семейства, чему они бывают обязаны своим счастьем и достоинством, то станет ясно, что чаще всего люди — сами источники своих бед и причина своих несчастий, и что не стоит искать всемогущих врагов, ведь никто не поставит величие, славу и известность в заслугу фортуна, а не доблести. В самом деле, обратимся к республикам, подумаем о минувших царствах: мы убедимся, что фортуна никогда не играла такой роли в обретении и преумножении могущества, в сохранении уже завоеванной славы, как святая и благословенная житейская мудрость. Кто усомнится в этом? Справедливые законы, мужественное и твердое поведение, любовь к отечеству, верность, прилежание, безупречные и похвальные нравы граждан всегда помогали снискать известность без помощи фортуны или достигнуть величия и еще большей славы с ее помощью, и притом оставить по себе потомкам бессмертную память. Поистине, после смерти Александра Великого, как только македонские князья озаботились своими богатствами и стали думать не о завоеванной ими вместе империи, а о своих собственных владениях, между ними тут же начались раздоры и разгорелось жаркое пламя ненависти; их души стала снедать алчность и ярость, вызванные обидами и желанием за них отомстить; и теми же самыми руками, тем же победоносным оружием, с помощью которого они отняли свободу у множества народов и покорили их, создали огромную империю, стяжали македонцам славу по всему миру; тем же самым непревзойденным оружием, которое стало теперь служить корыстным притязаниям немногочисленных тиранов, преемников Александра, были погублены и уничтожены все их законы, истреблены их справедливость и добродетель, и обескровле-

на каждая частица их некогда грозных сил. Так македонцы утратили свое благополучие и за короткое время лишились империи и славы не по воле фортуны, а из-за собственной глупости. Грекам тоже сопутствовал успех, слава и власть, пока они заботились об укреплении и воспитании духа своих сограждан не меньше, чем об увеселениях и о превознесении себя над другими.

А разве нельзя сказать того же самого о нашей Италии? Пока мы соблюдали наиболее полезные и благословенные заветы старины, пока старались подражать нашим предкам и пытались превзойти в доблести знаменитых героев прошедших времен, пока итальянцы считали себя обязанными приносить все плоды своих трудов, промыслов и искусств, и вообще все, что имеют, на алтарь отечества ради общего блага, для пользы и выгоды всех сограждан; пока они были готовы пожертвовать своим имуществом, кровью и жизнью ради поддержания авторитета, величия и славы латинского имени, разве сыскался бы такой народ, такое дикое варварское племя, которое не убоилось бы противиться нашим велениям и нашим законам? Так можно ли говорить, что эта бескрайняя империя, эта верховная власть над народами, обретенная силами латинян, достигнутая нашими стараниями и распространенная нашим римским оружием, была дарована нам судьбой? Неужели мы признаем, что обязаны фортуне тем, чего добились благодаря своей доблести? Будем приписывать судьбе благоразумие и сдержанность Фабия, который в одиночку спас, благодаря своей тактике выжидания и уклонения, почти утраченную латинскую свободу; принципиальность Торквата, ради соблюдения воинской дисциплины не пощадившего своего сына, его же умеренность, в силу которой он довольствовался земледелием и ставил честь выше золотых гор? Суровость Фабриция, бережливость Катона, твердость Горация Коклеса, выдержку Муция, благочестие и верность Регула, преданность Родине Курция и многие другие неслыханные и великие добродетели, столь славные у древних и пригодившиеся тогдашним итальянцам не меньше, чем их мечи и воинская мощь, когда они воевали с гордыми и непокорными народами в варварских землях и с помощью этих божественных качеств подчинили себе всех этих врагов латинского имени, свободы и славы? Согласимся ли мы с тем, что фортуна была покровительницей наших обычаев, что она смягчила нравы и обыкновения нашей благословенной родины? Разве безрассудной воле фортуны обязаны мы основанием империи, которую наши предки создавали, полагаясь скорее на доблесть, чем на удачу? Разве мы поста-

вим в зависимость от изменчивости и произвола судьбы то, чего сами люди намерены добиваться с помощью твердых расчетов и отважных и великих дел? И может ли фортуна с ее непостоянством и неопределенностью рассеять и разрушить то, что мы препоручаем нашим собственным заботам и разумению, а не чужому безрассудству? С какой стати мы уступим фортуне то, что собираемся хранить и поддерживать со всем возможным прилежанием и старанием? Оно неподвластно фортуне, и, вопреки мнению некоторых глупцов, не так-то легко победить того, кто не хочет сдаваться. Фортуна держит под игом только тех, кто ей поддается.

Сколько раз фортуна всей своей силой и со всей злобой, со всей яростью и ненавистью заклятого врага обрушивалась на латинское войско при Каннах, Треббии, Тразименском озере¹, в Галлии, Испании и других странах и всячески старалась поразить римлян, чтобы сокрушить империю и покончить с нашей славой и со всей Италией, но та изо дня в день все возвышалась, украшая себя бесчисленными и удивительными триумфами. Не рассказать, как часто и коварно судьба противилась и вредила нам и в прежние времена и позднее, исполняя завистью к нам народы, племена и государей и рассеивая ненависть и враждебность к нам по всему миру. Однако ей никогда не удавалось смутить своим неистовством и дикими наскоками дух достойных латинских патрициев и сенаторов, которые побороли все трудности, укротили и подчинили себе все гордые народы, и обратили все страны мира в римские провинции, раздвинув границы нашей необыкновенной латинской империи за все доступные на Земле пределы. Таким образом, наши предки-латиняне умели противостоять любому вражескому натиску и выдерживать его, так что никакая злая судьба не могла помешать их мужественному духу и божественному разуму желать, быть в состоянии и уметь торжествуя расти и возвышаться. И если завистливая фортуна могла часто противостоять их успехам, ничто не могло отнять славу их доблести, и пока они считали украшением и лучшей защитой империи добродетельные поступки и добрые обычаи родины, судьба была к ним до конца благосклонной и снисходительной. Так что пока в этих возвышенных и совершенных душах царили великие и зрелые мысли, непреклонная и нерушимая

---

¹ В битвах при Треббии (218 г. до н. э.), Тразименском озере (217 г. до н. э.) и Каннах (216 г. до н. э.) во время 2 Пунической войны римляне потерпели поражения от Ганнибала.

верность отечеству, пока любовь к общественному благу перевешивала в них своекорыстие, а веления родины пересиливали зов алчности, им всегда сопутствовали победа, слава и удача.

Но как только тираническая похоть и частная выгода, как только несправедливые устремления превозмогли в Италии справедливые законы и благословенные обычаи, тотчас же латинская империя начала чахнуть и слабеть, лишаясь благодати, красоты и всех своих прежних сил, так что божественная латинская слава, некогда простиравшаяся и источавшая свое сияние за пределы Океана, затмилась и стала гаснуть.

А ты, благородная Италия, глава и твердыня всего мира, пока ты была едина, сплочена и готова пестовать добродетель, искать хвалы и завоевывать славу, пока твоей заботой и старанием было покорение гордецов, а также человеческое и правое руководство подданными; пока тебе удавалось не теряя присутствия духа противостоять всем напастьям, и пока ты почитала за честь не отворачиваться с презрением от тяжких и многотрудных предприятий, но терпеливо справляться с ними; до тех пор, пока враги не сомневались в твоей доблести, друзья — в твоей верности, а побежденные — в твоем милосердии, ты могла сопротивляться фортуне и одолевая всех смертных, могла вводить у всех народов мира свои благословенные законы и устройство, и даже у пределов Индий тебе дано было водрузить сверкающие штандарты твоей беспримерной и свыше заслуженной славы, так что благодаря великому, могучему и отважному духу твоих сынов ты возбуждала уважение, любовь и страх наравне с богами. Но вследствие раздоров и гражданских распрей алтари и храмы твоей старинной добродетели тотчас же стали разрушаться, а твои латинские театры, некогда бывшие местом увеселений, игр и празднеств, украшенные горами вражеских доспехов, победных трофеев и множеством лавровых венков, наполнились горестью и сокрушением, увлажнились слезами, услышали жалобы и стенания. А варварские народы, самые удаленные племена, доставлявшие рабов, прежде смирявшие перед твоим лицом, Италия, свою гордыню и ярость и трепетавшие перед твоей властью, исполнились дерзости и стали вторгаться в твое святейшее лоно и даже сожгли пристанище и сам древний престол империи всех империй.

И ныне, по вине ли чужих народов, по нашему небрежению присвоивших себе заслуженную нами славу, или потому что мы, латиня-

не, сами забыли о ней и отказались от нее, навряд ли найдется кто-либо, надеющийся вернуть утраченный нами имперский скипетр и увидеть на своем исконном месте, на своем священном и благословенном престоле, сиречь в Италии, пурпур и диадему, коих она, по нашей слабости, давно лишилась. Но кто скажет, что мы утратили наше неслыханное и необычайное величие и латинскую славу, покинувшие свое подлинное вместилище и средоточие, не по собственной вине, а стараниями других? Какое сонмище людей смогло бы противостоять тем, кто подчинил себе весь мир? И кто отказался бы нам подчиняться, если бы мы этого не захотели и не допустили? Итак, можно заключить, что судьба не может и не способна отнять у нас даже частицу нашей добродетели, зато довольно располагать доблестью, чтобы достичь всякой возвышенной и великой вещи, обширнейших владений, наивысшей хвалы, вечной славы и бессмертной памяти. Не следует сомневаться, что нет такой любимой и желанной вещи, которую столь же легко заполучить, как добродетель. Ее лишен только тот, кому она не нужна. И если таковы свойства добродетели, мужественных обычаев и поступков, каковые достижимы для смертных настолько, насколько они того пожелают, если здравые суждения, благоразумие, сила, постоянство и упорство духа, разум, порядок и мера, полезные искусства и науки, беспристрастие, справедливость, прилежание и старание позволяют приобрести такую власть и вопреки козням фортуны взойти на высшие ступени славы, кто из вас, о юные Альберти, отважится, наблюдая изменчивость и непостоянство преходящих и бранных вещей, убеждать меня, что вещь, которую нельзя отнять у смертных и которую они могут принять и сделать своей по собственной воле и усмотрению, которой они уже и владеют, что эту вещь без особого труда можно отобрать у ее прилежных и бдительных обладателей, защищающих ее с превеликим мужеством? Итак, отныне будем придерживаться того мнения, которого, я полагаю, вы, как мудрые и благоразумные люди, и придерживаетесь, что в гражданских делах и в жизни людей куда больший вес имеет разум, нежели фортуна, осмотрительность, нежели случай. Если же кто-то понадеется больше на подарки судьбы, чем на доблесть, то его, по моему, нельзя будет называть ни мудрым, ни благоразумным. Тот же, кто признает, что изобразительность, достойные искусства, упорный труд, зрелая мысль, дозволенные упражнения, праведные устремления, разумные упования украшают, возвеличивают, сохраняют и обороняют республики и государей, и что благодаря им империи обретают славу, а без них ли-

шаются всего своего величия и достоинства; кто убедится, что праздность, леность, похоть, коварство, алчность, беззаконие, сладострастие, жестокосердие и неукротимые людские страсти портят, разрушают и подрывают любую прочную, нерушимую и возвышенную вещь, тот, я думаю, поймет, что все вышеназванное необходимо для процветания государств и семей, и согласится, что несчастье последних скорее всего бывает вызвано их собственным неразумием и недостатком старания.

Поэтому, зная, что это происходит, когда процветающие семейства не знают меры и воздержания, или когда бедствующим недостает благоразумия, дабы найти опору и устоять, и тогда судьба безнаказанно накрывает и низвергает их своей океанской волной; и будучи уверенным, что неустанное попечение, забота и тщание отцов семейств, достойные обычаи, добрые нравы, человечность, доступность, обходительность приносят семьям счастье и многолюдство, я решил со всем старанием и усердием разузнать, как можно предостеречь отцов и всех членов семейств от ошибок, чтобы они были в состоянии достичь полного и совершенного счастья и никогда не зависели от происков и причуд фортуны. Все свободное время, если все прочие дела позволяли мне от них оторваться, я с радостью посвящал поиску заповедей, оставленных древними писателями и направленных к благу, почету и процветанию семейств; и отыскав множество таких превосходных поучений, я посчитал своей обязанностью собрать их воедино, дабы вы могли без труда найти их в одном месте и познакомиться с ними, а познакомившись, следовали им. Я думаю, когда вы вместе со мной еще раз прочитаете о поступках и репутации наших достойных предков и убедитесь в благонравии древних Альберти, вы согласитесь со мной и поймете, что как доблесть, так и судьба заключаются в вас самих. Читая написанное мной, вы с удовольствием узнаете о достойном образе жизни и обычаях Альберти в старину и, увидев, что наши прадеды всегда избирали благоразумные и уместные пути, последуете их примеру.

От них вы узнаете, отчего семьи становятся многолюднее, какие занятия приносят им блаженство и удачу, как они приобретают расположение, благосклонность и дружбу, какие правила обеспечивают и прибавляют семьям почет, известность и славу, и каким образом семейное имя завоевывает вечную хвалу и бессмертие.

Но не подумайте, что в своем сомнении я собираюсь толковать перед вами о таких необыкновенных вещах, которые еще не были до-

ступны вашему разуму и здравомуслию; для меня всегда было ясно и несомненно, что каждый из вас намного превосходит меня способностями, познаниями и знакомством со многими похвальными вещами. Но надеюсь, что это мое намерение не было пустым, потому что плод моих многодневных трудов скорее пригодится тем благочестивым юношам, которые придут после вас, чем вам, кого я мало чему могу научить и еще меньше наставить в вещах, известных вам лучше, чем мне. Однако я полагаю, что мои старания угодить вам не напрасны, ибо, если мой труд и не будет столь полезным, как мне того бы хотелось, для семьи Альберти, все же наградой мне будет, если вы его прочтете и перечитаете; более того, я почти это за величайшее вознаграждение, особенно если исполнится мое главнейшее желание, которое состоит только в том, чтобы во всем как можно более угодить и сделать вам приятное.

Итак, в глубине души я уверился, что Баттиста непременно доставит вам удовольствие, ибо изо дня в день я стараюсь всеми силами написать нечто полезное и приятное для вас из того небольшого, что мне дано. Для меня это будет сильнейшим побуждением к тому, чтобы с помощью гораздо более ревностных стараний, более продолжительных бдений и более упорного прилежания новым, более утонченным и отшлифованным трудом оправдать ваши ожидания и получить ваше одобрение. Но только в том случае, если я увижу, что вы в должной мере оценили наказы наших предков Альберти, которые, как вы убедитесь, превосходны и достойны памяти; и если поймете, что я жажду истинной хвалы и искреннего прославления нашего рода Альберти, каковой всегда их заслуживал, и кому я, как прежде так и впредь посвящу все свои труды, умения, помыслы, намерения и желания. И я не пожалею и отдам до последней капли все свои силы и себя самого, ценой трудов и лишений, на благо и на пользу семейства Альберти, и сделаю это еще более охотно, с еще большей радостью и старанием, если увижу, что мои сочинения доставляют вам удовольствие. Поэтому я прошу и вас, молодые Альберти, поступайте вместе со мной и впредь, как поступаете теперь; работайте во благо, добивайтесь уважения, преумножайте известность нашего дома, и прислушивайтесь к тому, что, по словам наших предков Альберти, весьма прилежных, образованных и воспитанных людей, является семейным долгом и необходимо для исполнения, читайте и любите меня.

КНИГА ПЕРВАЯ О СЕМЬЕ:
ОБ ОБЯЗАННОСТЯХ СТАРИКОВ ПО ОТНОШЕНИЮ
К ЮНОШАМ И МЛАДШЕМУ ПОКОЛЕНИЮ
И О ВОСПИТАНИИ ДЕТЕЙ

LIBER PRIMUS FAMILIE:
DE OFFICIO SENUM ERGA IUVENES ET MINORUM
ERGA MAIORES ET DE EDUCANDIS LIBERIS

